

A detailed illustration of a cityscape, likely New York City, featuring Central Park in the foreground with trees in autumn colors. In the background, various skyscrapers and historic buildings are visible under a blue sky with scattered clouds. A large, dark-colored dove with its wings spread wide is flying towards the viewer in the upper center of the image. Several smaller birds are also seen flying in the sky. The title 'Голубь' is written in a white, elegant script font across the middle of the image.

Голубь

Глеб Саушкин

18+

Глеб Саушкин

Голубь

«Автор»

2026

Саушкин Г. Б.

Голубь / Г. Б. Саушкин — «Автор», 2026

«Голубь» – это аллегорическое произведение, сатирическая повесть-притча. Главный герой – молодой голубь Алексей, покинувший родительское гнездо и отправившийся в «полет» через жизнь. Он умен и амбициозен, хитер и наблюдателен. Его мечта – отыскать место «теплое и сытое» и занять достойное, высокое положение в «обществе». Он верит в свою особую судьбу, в свое великое предназначение и в неизбежность успеха, считая себя сильнее, умнее, проворнее и достойнее остальных. Через что придется пройти ему на своем пути? Какие трудности и невзгоды подготовила для него жизнь? Сможет ли Алексей исполнить свою мечту и добраться до самой вершины? Как изменится молодой, добрый, мечтательный голубенок за время этого путешествия и какую цену ему придется заплатить за свое возвышение? Эта история переплела в себе черты повестей Джорджа Оруэлла «Скотный двор» и Виктора Пелевина «Затворник и Шестипалый».

© Саушкин Г. Б., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ	5
I	5
II	8
III	14
IV	19
V	26
ГЛАВА ВТОРАЯ	34
I	34
II	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Глеб Саушкин

Голубь

ГЛАВА ПЕРВАЯ

I

Алёшенька уже весь изнемогал от нетерпения. Так долго ждал он этого дня, так много мечтал о нем и представлял, как всё будет, что в последние мгновения даже не верилось в то, что этот день наконец настал. Пришла пора покинуть родное гнездо. Алексей обнял мать с отцом, расправил крылья и бросился вниз. Потоки воздуха подхватили его пока еще не до конца окрепшее и привыкшее к полетам тело, он взмахнул крыльями, еще взмах, еще, и вот уже он проносится над крышей соседского дома, который каждый день наблюдал из своего гнезда. Все чувства накалились до предела, с каждым взмахом Алешка становился всё сильнее, всё увереннее в себе, и всё лучше выходило у него летать. Он вспомнил уроки, что давали ему мать с отцом: как впервые расправил крылья и начал ими махать, как после пробовал подпрыгивать и висеть в воздухе хотя бы на мгновение, а затем, поддерживаемый отцом снизу и помогавшей матерью сверху, делал свои первые «шаги» в небе. Но всё это было ничто по сравнению с тем, что довелось испытать сейчас. Сейчас он — маленький и неказистый птенец — превратился во взрослого и грациозного голубя! Сейчас он сам, без чьей-либо помощи и советов, летит в свое новое, лучшее, светлое будущее. Сегодня весь мир лежит у его лап! Сколько возможностей, сколько мыслей, сколько планов крутится в его голове! Теперь он непременно найдет свое место в этом мире, место сытое и теплое, и обязательно самое лучшее, что только может быть на земле.

Совсем окрепнув в полете, Алексей всё больше уходил в свои мысли и всё меньше махал крыльями, а скорее плыл по потокам свежего апрельского воздуха, предаваясь воспоминаниям и мечтам...

Нужно сказать, что имя Алексей еще не было ему дано в тот момент, но для удобства и простоты текста автор оставляет за собой право с первых страниц называть главного героя по имени, данному ему после, при этом обязуясь в подходящий момент обязательно упомянуть о его происхождении.

Гнездо, в котором родился наш герой, находилось на крыше старого пятиэтажного кирпичного дома, в небольшой ямке, образовавшейся от времени, между стропилами и обрешёткой. Дно этой ямки было нежно выстелено соломой, принесенной отцом и уложенной матерью с заботой о своем будущем потомстве. Каждая веточка, каждый прутик лежал строго на своем месте; все они переплетались, соединялись, создавая прочную и надежную конструкцию. Те палочки, что были потолще и пожестче, располагались внизу и выполняли функцию пола, а те, что были потоньше и помягче, закреплялись по бокам. Пространство между ними было плотно забито найденными кусочками шерсти и перьев других животных, что позволяло сохранять тепло даже в самые холодные ночи. Жилище это строилось с большим трудом и с большой любовью к тем, для кого оно предназначалось.

Из гнезда открывался прекрасный вид на внутренний дворик. Напротив стоял еще один дом, ничем не отличимый от этого; между ними располагалась детская площадка с качелями, паутинками, песочницами и прочими аттракционами, а по периметру были высажены березы, высотой в три-четыре этажа, между которыми росли кусты чубушника и пузыреплодника. У входа в дом возвышалась большая и старая рябина; ее ветви простирали свои прутья по разные стороны подъезда, создавая тень над стоящими под ней машинами.

С самого рождения Алешенька сильно отличался от своих двух братьев. Был он гораздо умнее их и смыслёнее, а оттого излишне вдумчив и наблюдателен, отчасти даже, по-хорошему, мечтателен. Пока братья его кричали и прыгали в гнезде, тем самым призывая мать, он почему-то воздерживался от этого странного ритуала, считая его глупым и бессмысленным.

— Ну что вы орете-то всё? Прилетит, непременно прилетит, как еду добудет, а оттого, что вы кричите всё время, быстрее этот момент не настанет, только силы зря тратите, — братья на секунду остановились, посмотрели на него своими тупенькими мордочками, переглянулись и продолжили визжать. А Алексей в тот самый момент сделал в своей жизни первое, но довольно важное открытие, которое после повлияло на всю его жизнь.

«А ведь действительно, орут, прыгают и силы теряют, а мать всё равно прилетит да всех накормит». Да вот только в силу своей наблюдательности знал Алёша, что мать аккурат по три червя в клюве носит: каждому по одному, двоих червей она поглубже прячет, а третий, самый большой и вкусный, всегда у неё из клюва торчит и достаётся тому, кто ближе к ней оказывается в момент приземления. И тут-то, исходя из этих двух фактов, у Алёши и родилась странная, но довольно умная для голубя мысль: «Что для того, чтобы этого червя, самого жирного, получить, не нужно из кожи вон лезть и чрезмерных усилий создавать, а надобно схорониться и силы копить, а вот когда придёт подходящий момент, тут-то и следует сделать один всего рывок да одно усилие, подпрыгнуть и схватить его первым. Да и чем рывок этот и усилие меньше будут, тем лучше значится момент выбран». И Алёша стал ждать. Сам дивился он от своей мысли, и думал о том, получится ли воплотить её в жизнь. Пока братья прыгали и кричали, Алексей тихо прижался к углу гнезда, поднял свои глаза вверх и начал пристально вглядываться в даль. Мать не заставила себя долго ждать: вот она уже подлетает к гнезду, и вот, как всегда, в клюве своем несет червей, и вот то он, самый жирный да вкусный. Алексей пригнулся, напряг свое маленькое тельце, подпрыгнул, что есть мочи, ровно в тот момент, когда мать села и только поднесла клюв к гнезду. Самый жирный червь оказался у него во рту, он первым сумел дотянуться и взять его. Мать продолжила кормить братьев, а Алексей, уплетая за обе щеки свою награду, радовался и осознавал всю силу своего нового изобретения. Теперь все лучшие черви будут его, и так оно и было в дальнейшем. Изобретением своим смог он перехитрить братьев, за счет чего, к моменту вылета из гнезда, был крепче и больше их обоих.

Начинало вечереть, мысли потоком кружились у него в голове. Мир, что раньше помещался в одной картинке, видневшейся из гнезда, теперь раскрывался в бесконечном многообразии красок и сменяющихся пейзажей. Алёша всматривался вниз. Деревья, дома, площадки, скверики, звуки машин, доносившиеся до него откуда-то издалека, — всё это было новым, а оттого бесконечно интересным и завораживающим. Он всматривался во всё, что пролетал, запоминал, пытался понять. Он познавал мир, как познаёт его младенец, впервые открывший глаза и увидевший свет. Приподняв голову, он взглянул вдаль и увидел светящийся алым шар, заходивший за горизонт. «Как же красиво!» — подумал Алексей. Счастье жизни переполняло

его, ему хотелось лететь всё дальше, увидеть всё больше. Он взмахивал крыльями всё сильнее, всё лучше чувствовал потоки, по которым плыл, всё пристальнее вглядывался вдаль, размышляя о своём будущем...

Солнце уже почти село, когда Алёшенька почувствовал легкое журчание в животе. Голод начал напоминать о себе: последнее родительское угощение уже давно переварилось, а молодой организм требовал восполнения истраченных за время полета запасов.

«Эх, и замечтался же я!» — подумал он про себя и очень рассердился. Алешенька, хоть и был мечтателен, но, как уже говорилось ранее, при всём при этом был крайне умен и вдумчив. Увидев подходящую крышу, он приземлился на неё. На улице стемнело.

«Как же это я так в раздумьях своих далеко ушел, что совсем забыл о главном — о поиске сытого и теплого места? Ведь говорил отец на прощание, чтобы, вылетев из гнезда, первым делом занялся я обеспечением себя пищей. Рассказывал он, по своему примеру, отыскать небольшую, но крепкую и молодую стаю голубей, под стать себе, спроситься у них и вместе, в честном и праведном труде, добывать себе пропитание. В стае ведь оно проще, чем одному: всегда будешь сыт и при деле, да и вообще всякий порядочный голубь непременно должен быть при стае».

Остаться же в родном дворе и поступить на службу в стаю к отцу Алёшка совершенно не мог оттого, что искренне верил в своё особенное, исключительное предназначение. И, несмотря на то, что место, в котором ему довелось родиться, было вполне комфортным и приятным, всё же верилось ему, что есть в этом мире места лучше и что именно ему суждено будет такое место отыскать, и непременно сможет он взять от этой жизни больше, чем довелось его родителям.

Алешенька прижался к крыше, поудобнее уложил свои крылья и стал готовиться ко сну.

— Завтра, с первым лучом солнца, я обязательно отыщу свою стаю! — произнес он и медленно погрузился в сон.

II

Холодное апрельское утро, солнце только начинало пробуждаться после сна и медленно, чуть касаясь, прогревать остывшую за ночь землю. Легкий ветерок пошатывал верхушки деревьев, слоняясь по скверам и окутывая своими касаниями стены многоквартирных домов. Природа оживала после зимней спячки: на берёзах показались первые листочки, газоны начинали зеленеть, букашки и мушки снова запорхали в воздухе.

Алеша проснулся, медленно и грациозно расправил крылья и подошел к краю крыши. Это была его первая ночь вне стен родного гнезда, первая ночь, когда не чувствовал он тепла своих братьев возле себя, не слышал курлыканья матери, прилетевшей с первой добычей, не видел знакомого пейзажа за окном... «Тьфу, что за глупости, не время предаваться меланхолии, когда желудок пустой», — подумал он и взлетел.

Нужно было решать основную задачу каждой живой твари, а именно — раздобыть себе пропитание. План уже был составлен: положившись на советы отца, Алексей парил в небе над микрорайоном в поисках подходящей для себя стаи, к которой можно было бы присоединиться и непременно завоевать своё место, сытое и тёплое.

Увидев вдалеке двух голубей, сидевших на асфальте возле куста, он подлетел ближе.

Это были два старых, но, как видно по их выправке и стати, бывалых голубя. Они наслаждались первыми теплыми деньками, прогревая свои косточки под лучами нежного весеннего солнца. Глаза их были закрыты, а тела неподвижны. Всем своим видом олицетворяли они незыблемую стойкость и спокойствие. Ничто не тревожило их, ибо мало кто из голубей доживал до столь солидного возраста и видел так много. Алексей посмотрел на них с улыбкой.

«Такая старость мне по душе», — подумал он, — «а какие крупные, видно, что сытые, значит, жизнь проживают правильно!»

Пролетев немного дальше, Алеша заметил с десятков голубей, крутящихся вокруг небольшой постройки. Он присмотрелся: «Фу, какая мерзость, Помоечники». Так в голубиных кругах назывались особи, питавшиеся с помоек и свалок. Отец однажды показывал и частенько говорил о подобных местах. Вонь возле них стояла немыслимая, а еду приходилось искать в горах прогнивших и стухших отбросов, отчего Помоечники и сами становились пахучи до одурения.

— Съешь оттуда чего — и не избежать больного желудка, а то и чего хуже: помрешь и поминай как звали, — говорил он. — Достойный голубь никогда до такой дикости не опустится! Уж лучше пролететь пару-тройку лишних кругов, но всё-таки раздобыть червя или кусок черствого хлеба, а то, бывает, и какой-нибудь благородной крупы на обочине соберешь. А ежели и не соберешь, и не найдешь, то уж лучше не есть вовсе, но никогда, сын мой, в это грязное место не залетай и с Помоечниками не говори, а то и сам им подобным станешь!

Говорили также, что голуби, кормившиеся здесь, постепенно привыкали и к запаху, и к вкусу, животы их адаптировались и могли переваривать полусгнившие остатки пищи, а иногда даже попадались им вполне свежие и достойные к употреблению экземпляры еды, и что доля их не такая уж и плохая, и пускай «хлеб» их не самый благородный, зато всегда в наличии и

в достатке. Но думается, что подобные слухи распускали сами Помоечники, дабы попытаться улучшить свое положение в обществе, но, увы, у них это совершенно не получалось. Питающийся с помоек навечно обрекал себя на долю отброса и принимал свой грязный обет.

Алексей поплевался, пофыркал, пролетая над этим пренеприятнейшим ему местом. «Это как же нужно пасть, чтобы вот так вот с помоев кушать да в вони прозябать, когда жизнь переполнена возможностями, столькими чудесными местами, где и еды достойной впрок, и компания правильная имеется».

Нужно сказать, что до этого момента Алексей таких мест и таких компаний сам практически не видел. Пару раз, во время финальных репетиционных полетов, отец с матерью показывали ему стаю достойных голубей, да и ту он знал, поскольку дальше родного двора они не вылетали, а тех голубей, что в ней приходилось видеть, Алешенька и так наблюдал из-за стенок родного гнезда. Что же касается еды, то голода он не знал, мать с отцом кормили по шесть раз на дню, и потому-то и думал наш герой, что пищи вокруг вдоволь. Так ещё и родители приговаривали, что сытых мест в мире достаточно, и что всего-то-навсего нужно своё отыскать, а далее каждодневно и честно трудиться. Оттого и была уверенность у Алёши, эта юношеская беззаботная уверенность, без которой, наверное, ни один молодой голубь не смог бы покинуть своё родильное гнездо и броситься навстречу неизвестному.

Ну вот, наконец-то, нашему герою улыбнулась удача: на своём пути, метрах в трёхстах, он заметил десяток голубей, сидящих на чёрном проводе, протянутом между двумя домами. Все они были как на подбор: молодые и крепкие, глаза их горели, а грудь горделиво выпячивалась из-под ровно сложенных крыльев. Алексей сделал легкий кульбит в воздухе и приземлился с краю.

Вспомнив наставления отца, он начал:

— Здравствуйте, товарищи! Братья по хвосту и клюву! Рад встретить вас здесь, в этот чудный весенний день! Не требуется ли вам в команду достойный голубь, что разделит труды и заботы ваши и примет на себя часть бремени нелегкого по поиску пропитания? Ведь вместе оно проще и веселее будет!

— Эко складно говорит, — закурьлыкали между собой одни.

— Братья по хвосту и клюву, — захихикали другие.

— Вместе, конечно, проще и веселее, тут спору нет, да только какой толк нам от тебя? — раздался жесткий бас с противоположного конца провода. Остальные голуби стихли. Большой и непохожий на прочих голубь вспорхнул и в одно мгновение очутился возле Алешки. Ростом он был раза в два больше остальных, и во столько же раз шире. Цвет перьев его, в отличие от сероголубых представителей своего рода, отдавал бордово-коричневыми оттенками, а ближе к голове переходил в нежно-белые тона, и всю эту необычность подчеркивало ярко-красное пятно вокруг левого глаза. Другие голуби называли его Вождем.

— Откуда будешь такой? — с недоверием спросил Вождь.

— С родильного гнезда, — чуть поджавшись, отвечал Алешка.

— Неужто только выпорхнул?

— Никак нет, вот уж как второй день нахожусь в свободном полете.

— А почему вздумал к нам в стаю вступить?

— По наставлению отца: перед отлетом велел он мне отыскать небольшую, но крепкую и молодую стаю голубей, под стать себе, спроситься у них и вместе, в честном и праведном труде, добывать себе пропитание.

— Видно, отец у тебя не дурак.

— Никак нет, честный и достойный голубь, всю жизнь трудился в стае, в работе меры не знал и меня по своему подобию воспитал.

— Больно уж раскудаhtался. Слышу, что говорить ты умеешь, посмотрим после, каков ты в деле окажешься. А ну-ка, дай взгляну на тебя повнимательнее, нам абы какие в товарищи не нужны. Глянь на парней, все удалые бойцы, — и он указал своим правым крылом на стаю, сидящую позади него. И вправду, все голуби были как на подбор: крепки, молоды и удачно сложены.

Алексей расправил крылья, а Вождь, нахмурившись, стал разглядывать его со всех сторон.

— Теперь покрутись, — Алешка медленно перешагнул с ноги на ногу, дабы не свалиться с тонкого провода, но при этом обернуться к начальнику обратной стороной.

— Недурно, очень даже недурно. Мышц, правда, не хватает, но это ничего, это дело наживное, да и мозолей пока на лапах нет, так и за этим не заржавеет.

— А ну-ка, клюв открой. — Алешка опешил, но покорно исполнил приказ.

Вождь прищурился и заглянул в самую глотку.

— Здоров, видно, бацилл и паразитов не имеешь. Ну что же, даю тебе своё добро. Теперь станешь одним из нас, трудись честно, приказы исполняй исправно, и будешь вознагражден по заслугам. И помни, что всё поровну: и хлеб, и голод, и труд, и отдых — всё в равных долях меж всеми делится. А теперь встань ровно, голову подними и громко скажи: «Клянусь верой и правдой служить стае, соблюдать все её правила и устои, жить согласно распорядку и трудиться во благо каждого из её членов». Алеша покорно выпрямился и продекларировал слова клятвы. По телу побежали мурашки, гордость охватила его!

«Всё получилось!» — думал он. — «Теперь я в стае, вместе с новыми братьями, как и говорил отец».

Радость опьяняла его мысли. Так легко, так просто он отыскал себе стаю, и что же теперь? Остаётся самую малость — занять в ней положенное ему тёплое и сытое место. Сомнений не оставалось: ещё немного, и оно окажется в его лапах. Жизнь сама расправляет свои крылья, а Алёшке только и стоит, что упасть в её нежные объятия.

— Так! — воскликнул Вождь. — Официальная часть окончена, нам с парнями уже пора отлетать на дежурство, время смены, а тебе пока весь уклад растолкует Одноногий.

— Эй, брат, поди сюда, — крикнул Вождь куда-то в воздух.

Услышав это, с соседней крыши сорвался голубь. Был он чуть меньше Вождя, но при этом чуть больше всякого другого в стае, цвета и склада самого обычного, но при этом с одной лапой. Он приземлился возле Алёшки, вцепился пальцами ноги в провод и стал медленно осматривать новоявленного товарища. Остальные птицы поднялись со своих дежурных мест и разлетелись по разные стороны, а на их место прилетели другие, ничем от своих братьев неотличимые, все как на подбор!

— Значится так, братец, — начал Одноногий. — Рабочий день у нас от восхода и до заката солнца. Пока глаз видит, мы в трудах и в поисках. Стая наша насчитывает тридцать одного... а нет, с тобой уже тридцать два голубя, и каждому жрать охота, а следовательно, и работы — непочатый край. Вон видишь там, вдали, мачта торчит с проводами?

— Вижу, — ответил Алёша.

— Там конец наших владений по одну сторону, а ежели назад помотришь, то увидишь дом серого цвета, тот, что выше остальных. Видишь?

Алёша обернулся.

— Вижу!

— Во, там конец по другую сторону. Всё от сих до сих — наше, и мы с этих мест кормимся, понял?

— Понял, — кивая головой, ответил Алексей.

— Так-с, а теперь о самой работе. Труд наш на два вида деятельности делится: дежурить и ждать. Вон, видал, как парни сейчас улетели и на их место другие сели?

— Видал, — твердо и уверенно ответил Алёшка.

— Так вот, те, что прилетели, были на дежурстве, а те, что сидели, ждали. Одни, соответственно, называются Дежурными, а вторые — Бдящими, ибо они не просто сидят и ждут, а бдят каждый на своей позиции. Задача Дежурных — курсировать по назначенным маршрутам да высматривать еду, и как только заметят что-то съестное, подавать сигнал Бдящим, чтобы те со своих мест срывались и вокруг добычи для защиты выстраивались, пока остальные подлетают на кормёжку.

— А какой сигнал такой?

— Три громких протяжных курлыка, ну, это я тебе ещё покажу, как в первый раз на дежурство выйдешь. Бдящие и Дежурные между собой раз в час меняются, для того чтобы дух с полёта перевести да глаз чтоб отдохнул, не замыливался от постоянного взглядывания вниз.

— Теперь подробнее пройдемся. Маршрутов всего одиннадцать штук, а следовательно, одиннадцать Дежурных и двадцать... — Тьфу! — с тобой теперь двадцать один Бдящий. Наряды и распорядок дня каждое утро, с первым лучом солнца, сообщает лично Вождь на утреннем собрании. После оглашения начинается смена. Каждый голубь равное количество времени дежурит и бдит, и каждый равно питается, согласно очереди, что также Вождём поутру оглашается. Теперь подробнее о питании. Как ты уже понял, Дежурные ищут пищу и, заметив её, тут же подают сигнал для Бдящих. Бдящие делятся на две группы: одна восседает тут, а вторая — на противоположной стороне наших владений, и реагировать на сигнал будет та группа, что ближе к нему находится. Дежурному, заметившему пищу, строго-настрого запрещается спускаться к земле раньше, чем подлетят Бдящие. Лишь как заметит их, крыло к крылу позволяет спуститься. Правило это важное и к соблюдению обязательное, запомни!

— А почему так? — вдруг перебил Алёшка. — Что плохого будет, если я, заметив и подав сигнал, сразу начну к добыче спускаться?

— Во-первых, — ответил Одноногий, — ты меня не перебивай, а слушай. А во-вторых, сказано так, что положено крылом к крылу спускаться, значит, так и делай и вопросы мне глупые не задавай. Уяснил?

— Уяснил, — немного испугавшись такого резкого и совершенно ничего не объясняющего ответа, произнес Алёшка.

— Всякое правило, — продолжил Одноногий, — создано лишь для того, чтобы тебя от глупостей уберечь. Ты молодой, проворный, спустишься первый, пока братьев нет, а в животе урчит, а кусок такой мягкий и сытный, и ты его хвать, и поддашься соблазну, и кусок откусишь вне очереди, — и что тогда?

— Что тогда? — переспросил Алёша.

— Все тогда, конец, братец, долетался. Получается, ты не кусок вперед очереди съел, ты брата своего обворовал, его голодным оставил, а значит, и всю стаю предал, а предателей мы не прощаем. Уж ежели пришел к нам, так помни, как Вождь сказал тебе:

«Все поровну: и хлеб, и голод, и труд, и отдых».

— Теперь понял? — спросил Одноногий, пристально всматриваясь в глаза Алёшки.

— Теперь понял! — сухо ответил тот.

— Так вот, продолжим, о чем это я... Ах да, заметив добычу и подав сигнал, ты дожидаться братьев и вместе с ними спускаешься к еде, а далее всё просто: каждый, согласно очереди, отламывает от пищи равный кусок.

— Равный чему? — уточнил Алёша. — Я лишь потому спрашиваю, — предвидя негодование Одноногого, замямлил Алексей, — чтобы лишнего у братьев не ухватить.

— Вот это молодец, вот это хвалю, несмотря на то, что и перебил, — отвечал Одноногий.

— Есть такие вопросы, что и перебить не стыдно, а даже полезно будет. Так вот, равный одному укусу — и не большему, и не меньшему, а ровно такому, как у всех.

— Понял, — не дожидаясь вопроса о том, уяснил ли он это правило, ответил Алексей.

— Опять хвалю, — продекларировал Одноногий, — может, и выйдет из тебя достойный товарищ, если будешь так же прытко дело схватывать, как мысль.

— Так вот, продолжим: каждый укусит по равному и снова на посты, а в следующий раз начнут кусать с того, на ком в прошлый раз еда кончилась. Дежурный, нашедший добычу, ест со всеми вместе, согласно очередности, остальные же дежурные на сигнал не реагируют, а продолжают дежурить на вверенной им территории.

— Так-с, ну вроде бы всё тебе объяснил... Ах нет, совсем забыл про личное время сказать. После захода солнца можешь лететь куда удумаешь, но за пределы района нашего не улетай, опять же, во избежание всяких глупостей и соблазнов. Ночуем мы вон там, — Одноногий указал на щель в крыше, — на чердаке, там всегда тепло и вполне уютно, тебе и место своё назначат, и будешь на сене почивать с остальными. Там можно и с братьями переговорить, да и просто подумать о чём вздумаешь, в общем, любой досуг.

— А вообще, — после небольшой паузы продолжил Одноногий, — я тебе советую после захода солнца никуда уже не летать и много о пустом не говорить, а сразу спать ложиться, чтобы сил набраться и лучше и проворнее на дежурстве по следующему дню быть.

— Это тоже правило? — озадаченно вопрошал Алешка.

— Нет, — с ухмылкой отвечал Одноногий, — скорее дружеский совет.

III

Весь оставшийся день Алешка провел в компании Одноногого. Закончив объяснение общих принципов существования стаи, они принялись изучать маршруты следования Дежурных. Одноногий крайне точно и детально показывал Алешке, где и как лететь по каждому из маршрутов, на что обращать внимание, а на что не тратить своё время. Показывал более перспективные места для поиска, а также те, где никогда ничего не находили, и всё время повторял: то про братство, то про товарищество, то про равенство, а чаще всего твердил про правила и их глубокий смысл. Алексей поначалу слушал внимательно, запоминал, но с каждым новым взмахом крыльев слова Одноногого доносились до его сознания всё хуже и хуже. Алешка начал испытывать чувство, которого прежде почти не знал, — чувство голода.

А голод — это штука такая: всякую мысль в голове сотрет и ничего, кроме себя, не оставит, а Алексей не ел уже два дня. Прежде такого с ним никогда не случалось. Силы его покидали, в глазах периодически темнело, казалось, что еще чуть-чуть — и он рухнет ниц на землю. Но он так и не рухнул.

Окончив полет на противоположной стороне принадлежавшей стае территории, они сели на такой же провод, только чуть короче, чем был до этого.

— Ну, довольно на сегодня, — сказал Одноногий. — Всё объяснил, всё показал. Теперь давай дождемся сигнала и вместе с Бдящими здесь товарищами отправимся к добыче, да и до заката всего ничего осталось.

Услышав эти слова, Алешка ожил. Неужели ему дадут поесть и все его страдания наконец закончатся? Он будет вознагражден за свои труды, за долгие полеты, за утомительные речи Одноногого, за все эти объяснения и правила — наконец-то его будет ждать награда. Надежда заурчала у него в животе...

«Но как это — до заката всего ничего?» — сменилась мысль, и, как холодный дождь в теплый летний день, окатила перегревшееся сознание. Но не может же так быть, не может ему так не повезти, чтобы опять голодным в сон идти, да и не вытерпит он более, точно не вытерпит и помрет, чего еще хуже.... Но тут в воздухе раздалось три протяжных и громких курлыка.

— Ооо, слышишь? — сказал Одноногий.

Алёша опомнился, улыбка растянулась у него на лице.

— Пора, брат, уж и везёт тебе сегодня: ещё не работал, а уже есть зовут.

Алексей с Одноногим и остальными голубями взмахнули крыльями и полетели в направлении раздавшегося сигнала. Уже через минуту Алексей заметил парящего в небе дозорного и кусок белого хлеба, валявшийся под ним на земле. Как только половина стаи подлетела, Дежурный, вместе с ними, крылом к крылу, спланировал вниз к добыче. Стая выстроилась в круг, а в центре лежал заветный кусок такого сладкого и вкусного подсыхшего хлеба. Алёшка знал этот вкус: родители частенько приносили в гнездо именно хлеб, конечно, червей или

пшена было бы попитательнее да повкуснее, но сегодня, в этот вечер, не было для него ничего лучше этого обветрившегося, слегка заплесневелого куска хлеба.

— Вот сейчас все по куску откусят, после — Дежурный, затем я, ну а после меня и ты отобедай, — тихо промолвил Одноногий. Алёшка кивнул и облизнулся, его взор был прикован к желтоватой корочке.

— Одноногий, а ты чего это прилетел к нам, да ещё и какого-то молодого, не нашего, с собой привёл? — раздался голос с противоположного конца круга.

Толпа перевела взгляд на Алёшку и заворчала. Товарищи явно были недовольны двум неожиданным ртам.

— Это новенький, — ответил Одноногий, — сегодня утром Вождь принял в стаю и мне велел ввести в курс дела. И то, что мы тут с вами сейчас обедать будем, на то также личные указания Вождя, дабы новоиспечённого познакомить со всей стаей.

— Познакомиться, конечно, хорошо, милости просим, рады видеть, но жрать-то на кой чёрт с нами? — ответил всё тот же голубь с противоположного конца круга.

— Приказ Вождя! Или не услышал? Что-то ты дерзишь, братец, или товарищеский настрой утратил? А где же доброта и снисходительность к новому товарищу, где сопереживание и братское отношение, или ты забыл, что значит стая? Может, мне о твоей наглости и дерзости Вождю доложить?

— Да уж больно, Одноногий, я же это не всерьёз, а так, чтобы убедиться в братце нашем новом, проверить его, так сказать, на стойкость, по-товарищески, и не более. Почём зря ты так разнервничался? Милости просим, как говорится, к нашему столу.

— Так бы сразу, — гордо, с высоко поднятой головой, отвечал Одноногий, — стало быть, по очереди, как и полагается.

И все начали есть. Один за другим склоняли они свои головы, отрывали по равному кусочку и глотали. Вот и Одноногий опустил, оторвал кусок, такой же, как и отрывали до него, запрокинул голову и проглотил. Наконец-то настала очередь Алешки. Вот она — первая добыча, полученная им самим, его награда за эти два непростых дня взрослой жизни. Алексей наклонился и отломил кусок. Каким же он был сладким и вкусным! Никогда прежде хлеб, который он ел, не был таким мягким и вкусным. Не замечал он ни запаха плесени, ни сухости, ни черствости, только блаженные ноты вкуснейшего из возможных блюд. Он жадно пережевывал каждую крошку, пытаясь растянуть удовольствие, насладиться им, насытиться, но для насыщения молодого тела после двух дней голода такого кусочка явно было маловато, и соблазн на мгновение овладел Алешей. Мысль о том, чтобы украдкой схватить еще кусок, прокралась в его ум, но здравый смысл подсказал, что делать этого не нужно, и остановил от роковой ошибки. Алексей закончил жевать и поднял голову.

Действие повторилось: каждый голубь подходил и откусывал по куску согласно своей очереди, а Алёшке только и оставалось, что наблюдать, как у него на глазах тает вкуснейшее и ценнейшее из блюд. И снова настала его очередь, и снова он жадно укусил от общего куска свой. На мгновение силы вернулись в его тело. Он почувствовал, как тепло внизу живота раз-

горается и перетекает в каждую клеточку его организма, как расправляются его крылья, как поднимается хвост и как жизнь снова наполняет его...

И вдруг снова нужно поднять голову и отойти, передав очередь следующему, так и не утолив свой голод хотя бы на четверть, а лишь слегка окропив его пищей и тем самым сильнее раззадорив.

Пошел третий круг, а хлеба становилось всё меньше. С каждым новым укусом Алёша всё пристальнее вглядывался в остаток. Дойдет ли до него? Хватит ли хлеба на то, чтобы он сделал еще хотя бы один заветный укус?

«Ну куда вы по столько хватаете!» — думал про себя Алёшка. — «Посмотрите, какие наглецы! С каждым укусом всё больше и больше хватают, так и норовят целиком проглотить, оставьте мне хоть немного!» Но увы, этому не суждено было случиться. Очередь дошла до Одноногого, а на земле оставался лишь кусок, по размерам чуть больше крошки. Проглотив его, тот отошел в сторону и повел за собой Алексея. Оставшиеся члены стаи разлетелись.

Положив своё крыло на плечо Алёшки, Одноногий сказал:

— Вот так-то, брат, стоя на то и стоя, никогда голодным не останешься. Может, оно и немного, зато честно и справедливо, — и похлопал его по плечу.

Алексей еле сдерживал слезы от досады, но виду старался не подавать, лишь слегка улыбнулся в ответ.

— Ну вот и солнце зашло, пора, брат, на отбой. Полетели в гнездо, подберем тебе место помягче да поудобнее, — и они взлетели.

Долетев до назначенного места и нырнув в дырку под крышей, наши герои оказались в небольшой темной комнате. Стены были обшарпаны, в некоторых местах виднелись дырки, через которые пробивался лунный свет. С крыши свисали «сопли» грязи и пыли, а на полу лежало принесенное сюда сено вперемешку с пометом. Запах стоял невыносимый. Повсюду были голуби — новые товарищи и братья Алексея по стае. Они укладывались в сон, прижимаясь по углам и стенкам.

— Милости просим, — продекларировал Одноногий. — Наш дом — теперь и твой дом. Да уж, конечно, немного неубрано, но сам понимаешь, мужской коллектив, так сказать, хихи... Да и некогда, весь день в трудах и заботах, когда тут порядок наводить. Привыкнешь. Самое главное, что есть теплый угол и крыша над головой да крыло товарища по соседству. Или я не прав? — вопрошал Одноногий у Алексея.

— Всё верно, — отвечал Алёшка, жмурясь и закрывая клюв.

Они стали пробираться глубже в поисках подходящего места для сна.

— Так-с, тут всё занято, тут тоже спят... Да куда же тебя пристроить... А вот оно, самое место для тебя будет, и никем не занято, — и Одноногий указал на самый конец комнаты по правую сторону. Там, в углу, оставалось немного свободного места, и Алексей направился в указанную ему сторону.

— Доброй ночи, товарищ, моё место в начале, возле Вождя, своё дело я на сегодня сделал, так что пойду спать, завтра свидимся, — махнул крылом Одноногий, развернулся и скрылся в толпе.

— Доброй, — сквозь клюв промолвил Алексей.

Он подошёл к своему углу, дабы повнимательнее изучить предоставленное ему место в новом доме. На полу валялось грязное сено, а над ним дырка, размером с клюв, из которой задувал ветер.

«Летом ещё ничего», — подумал Алексей, — «а вот по зиме, наверное, знатно морозит, поэтому и пустует местечко...» Он встал на сено, поправил крылья и, не спеша, брезгливо прилёг. Морщась и никак не смирившись с запахом, Алешка обернулся, увидел дырку в стене и сунул в неё клюв. Глоток свежего воздуха ударил в его ноздри, наполняя грудь свежим и прохладным воздухом.

«Эх, сначала подумал плохо, что щель, а теперь только в ней спасение и нахожу, повезло же мне с местечком», — подумал он, — «и как можно в такой грязи жить, неужели самим не противно? А может, и вправду не успевают, и просто попал я так не вовремя, а завтра всё вычистят да новой соломой устелют», — продолжал размышлять Алексей.

Мысли не давали ему уснуть, одна за другой лезли они в голову. Не так начиналась его история, как он себе представлял. Две крошки хлеба и смердящее гнездо — вот всё, что дала ему пока жизнь в этой «порядочной» и «достойной» стае. И где же тут мечты о лучшей доле и сытом месте? Все эти правила, устои — они казались ему какими-то неправильными, даже несправедливыми, что ли. Как там сказал Одноногий: «Ещё не работал, а уже есть зовут» — это как, стало быть, так? — «Я в жизни столько не летал и столько не запоминал всего за раз, и это не работал? Что же они тогда завтра со мною делать будут?» — думалось ему.

Утреннее ликование и гордость после вступления в стаю к вечеру сменились досадой, обидой и легким разочарованием.

«И что это за равенство такое, при котором все голодные ходят? Или, может, это мне только не повезло по вечерней, а с утра все наелись впрок? Так если бы так, что все наелись, то почему не отдать лишний кусок товарищу, который два дня во рту крошки не держал? Что-то тут явно не сходится. А Одноногий этот говорит, что все равны, а сам, Вождем прикрываясь, приказы раздает. Ведь не говорил Вождь утром, что нам следовало с оставшейся частью стаи знакомиться и с ними же есть, а Одноногий сказал. Значит, соврал. Значит, он ровнее других, что ли? Не понимаю, совершенно не понимаю», — размышлял Алёша.

Мысли кружились у него в голове, цепляясь одна за другую, выворачиваясь в кульбиты и принимая всё более странные и доселе неведомые ему формы.

«Нет, ну что это, вправду, разнылся!» — резко прервал все эти умозаключения в своей голове Алексей.

«Это же надо быть таким неблагодарным. Меня приняли в стаю, всё показали, всё объяснили, дали поесть и теплое место под крышей, а я всё недоволен. Ну и ладно, что еды совсем

немного и место не самое лучшее, а кто говорил, что будет легко? И этого могли не дать, надо быть благодарным и ни в коем случае не поддаваться унынию. Это я в первый день две крохи только, а завтра проснусь да как полный сил начну трудиться, да как меня заметит Вождь и непременно по заслугам вознаградит, и там уже не две крохи, а пади и целую горбушку заслужу, а может, и червей пятак перепадет», — расфантазировался Алешка. — «Главное — усердно трудиться, и тогда, как говорил отец, непременно добудешь свое место, сытое и теплое. А то, что Одноногий соврал, так это он для дела, стало быть, как лучше хотел, чтобы меня представить, накормить. Получается, что не соврал, а слукавил, и то совсем немного, для общей пользы, а я со своей головой больной всё выкрутил наизнанку и из него братопреступника сделал... Ой, ужас какой, ой, стыд! Всё, никуда меня эти мысли бестолковые не приведут. Правильно Одноногий сказал: ложиться спать, чтобы больше сил к трудовому дню было, так и поступлю», — и Алешка медленно стал погружаться в сон с мыслями о величии Вождя, об уме Одноногого, о равенстве в стае и с клювом, торчащим наружу через дырку в стене.

IV

Алеша вскочил от громких, повторяющихся ударов, разносившихся эхом по всему чердаку. Еще не до конца проснувшись, он стал оглядываться, пытаясь обнаружить источник этих странных звуков. В противоположном углу молодой голубь бил клювом в железный лист, висевший прямо над его головой. Тот был плохо закреплен на крыше, отчего при ударе начинал дрожать, вибрировать, издавать неприятный скрежещущий звук, передающийся на соседние листы и усиливающийся по мере своего продвижения.

— Подъем, товарищи! Десять минут до восхода солнца, все на утреннее построение, — раздался голос Одноногого, стоявшего возле бьющего по листу голубя.

Жители чердака поднимались со своих мест и резко вылетали из-под крыши. Алешка, не до конца пришедший в себя после такого резкого пробуждения, последовал за остальными.

На улице было холодно, солнце еще не показалось, а ветер гулял между крышами домов. Товарищи усаживались на черный провод — тот самый, с которого началось вчера у Алеши знакомство со стаей — с одним только отличием: сейчас на нем должна была расположиться не половина, а вся стая целиком, что представлялось совершенно невозможным, и отчего менее проворные собратья были вынуждены располагаться на откосах ближайших домов. На самом высоком из них уже восседал Вождь во всей своей красе, выпрямившись в полный рост; он вглядывался в даль, совершенно не обращая внимания на суету остальных. Одноногий подлец и сел на ближайший к Вождю откос. Как только все заняли свои места, Вождь развернулся и громко произнес:

— Равняйся! — все голуби покорно привстали на своих лапках, вытянули шеи к небу и приподняли крылья.

— Смирно! — продолжал Вождь.

— Дорогие товарищи, рад видеть вас всех в добром здравии этим чудесным весенним утром. В полной боевой готовности к труду и покорению новых вершин. Помните же, что мы не можем ждать милостей от природы, взять их у нее — наша задача! Поэтому летите быстрее, ищите проворнее, смотрите внимательнее, добывайте пищу для стаи и для себя, ибо каждый из вас и есть стая!

После этих громких и пронзительных речей Алёшка ещё больше захотел трудиться, еще больше пристыдился он своих вчерашних дурных мыслей, еще сильнее застучалось сердце у него в груди.

— Да, Вождь! — отвечал он про себя. — Обязательно возьму!

После приветствия Вождь зачитал очередность питания, указывая своим крылом на того или иного участника стаи. Алексей очень хорошо запомнил, кто был перед ним, и немного запомнил того, кто должен был быть после. Тем же способом были выданы дежурства, по очереди называя номер маршрута и указывая крылом на исполнителя.

Алексею досталось пять маршрутов с перерывами между ними от одного до двух часов, некоторым из голубей при этом досталось только четыре дежурства. Маршруты эти были под номерами один, три, семь, десять и снова один, все их Алёшка прекрасно помнил после вчерашнего урока Одноногого.

Начало смены выпадало на дежурство по первому маршруту, а после шли два часа в роли Бдящего на этих же самых проводах. Наполненный сил, настроя и внутренней уверенности, Алёшка дожидался первого лучика солнца, чтобы наконец показать себя в деле, поработать на славу и принести стае и, соответственно, и себе пользу и еду.

«Очень хорошо, что начинается смена с дежурства», — подумал он. — «А то всю ночь пролежал, проспал, затек весь, а сейчас хочется и крылья расправить, и себя проявить. Это не просто же так Вождь меня в первый час, да по первому же маршруту назначил, явно таким образом выделить хочет».

А тем временем из-за горизонта показался первый лучик солнца.

— По позициям! — громко прокричал Вождь.

— По позициям! — тоже громко, но немного тише, зачем-то повторил Одноногий.

Алексей вспорхнул и направился в указанную ему сторону.

Первый час подходил к концу, и сколько бы Алёша ни пытался, сколько бы ни прищуривался, сколько бы раз ни ускорялся и ни замедлялся, а ничего съестного так и не получалось отыскать. Он делал свою работу крайне тщательно, крайне трудолюбиво, безумно внимательно, но этого не хватало. Этим утром фортуна ему не благоволила. Несколько раз он видел, как половина стаи, к которой он принадлежал, взмывает в воздух, реагируя на сигналы дежурных, курсирующих по второму, шестому и девятому маршруту, и жадно опускается на землю за заслуженной добычей, но Алексей старался на это не отвлекаться. Он продолжал выполнять свой долг, вспоминая одно из правил Одноногого, касающееся поведения дежурного, услышавшего курлыкание другого. Он не отчаивался, не поддавался унынию, и при каждом новом взлёте стаи только пуше начинал рыскать среди деревьев, только острее вглядывался по углам, только по-хорошему озлобленнее становилось его желание найти что-то для общего блага.

«Работать, больше и интенсивнее работать, и тогда судьба обязательно меня вознаградит», — всё время повторял он.

Одноногий пролетел над Алешкой, сообщая о том, что пришло время смены. Видимо, помимо обучения новых товарищей, это также входило в круг его обязанностей, и он продолжил дальше парить над районом, меняя Дежурных с Бдящими местами. Алексей развернулся и полетел в сторону базовой точки сбора, по пути встретив голубя, сменяющего его на посту.

— Ну что, брат, ничего? — спросил тот.

— Ничего, — грустно ответил Алешка.

— Да это так всегда на первом маршруте. В лучшем случае раз в неделю кто чего отыщет, да и то случайно, ежели ветром со второго маршрута перекинет. А так — самая что ни на есть мертвая точка, но если ты понимаешь, о чем я. Ну ладно, брат, бывай, ещё свидимся, ведь я в очереди на питание прямо за тобой буду.

— Да, да, точно, — пробурчал Алешка, отлетая...

«Как это так — мертвая точка? В лучшем случае раз в неделю, и ведь все знают, стало быть, и Вождь знает, а зачем он тогда меня в первый же день да на первый же маршрут в жизни по этому пустому и бессмысленному поставил?» — задавал себе вопросы Алексей, усаживаясь на провод и вступая в должность Бдящего.

«И ежели все знают, что проку нет по нему летать, добычи не достать, только зря силы тратишь, то зачем тогда летают? И почему Вождь вообще этот маршрут не отменит за ненужностью и не сконцентрирует силы стаи на более полезные и перспективные направления?»

Алешка негодовал: обида вновь проникала в его сердце, а за ней следовали грусть и разочарование.

«Так, стоп, подожди», — произнёс он чуть слышно сам себе под клюв. — «Что за вздор я несу? И ведь поверил же первому пролетающему мимо меня дураку, что маршрут плохой? Так это, может, и не маршрут плохой, а он лентяй и бездарь просто, нахлебник, опухоль на теле стаи, трудиться не хочет, работает плохо, вот и вынужден оправдываться и выдумывать всякие глупости почём зря. Не мог Вождь со всем его опытом и статью сделать маршрут бессмысленный и бесполезный, это совершенно невозможно. Сама эта мысль крайне глупа и нелогична, а оттого никчемна, и непонятно, как вообще в моей голове родиться могла», — продолжал свои умозаключения Алешка.

«Нужно будет запомнить этого баламута, и ежели и дальше продолжит глупости наговаривать, сообщить об этом Одноному, а он уж пусть думает, что с этим делать».

Алеша успокоился, снова уверенность в неизбежном успехе опоясала его мысли, он возгордился своим новым положением, своим первым дежурством и тем, как ловко всё это у него выходило. «Ну и пусть, что в этот раз не отыскал ничего, так в следующий обязательно найду, да столько найду, сколько ещё никто до меня не находил, и вот тогда-то меня и заметят. Признание и место тёплое — его же, заслужить надобно, и я заслужу, и вот тогда-то у всех клювы и пооткрываются, и скажут, что это достойнейший из голубей».

И Алешка всё глубже погружался в свои мысли и мечты, и всё радостнее и теплее становилось у него на сердце, и даже о голоде на мгновение он позабыл.

— Подъём, боец, смена, — неожиданно раздался сзади голос Одноногого.

— Как смена? Уже? — ответил Алешка.

— Да, братец, уж два часа пролетело, настало время тебе на третий маршрут заступать!

«Вот это и замечтался я», — подумал про себя Алешка.

— А как это так, что за два часа и ни одного сигнала я не услышал? — спросил Алексей у Одноногого.

— Ты уснул тут, что ли? — жёстко и с небольшой озлобленностью ответил Одноногий.

— Никак нет! — резко воскликнул Алексей.

— Потому и не слышал, — слегка смягчившись, произнес Одноногий, — что сигналов не было, пусто было по эту сторону, зато на противоположной — ух... Все два часа пир горой, не успевали клевать, но это ничего, братец, не расстраивайся, делай своё дело, и результат придёт, вот сейчас на маршрут выйдешь и непременно еды отыщешь.

— Будет исполнено! — ещё громче воскликнул Лёша.

— Молодец, думаю, всё-таки будет из тебя толк, — промолвил Одноногий, отлетая от провода.

Алёша вспорхнул и отправился дежурить по третьему маршруту. Отойдя от двухчасовых грез, он снова почувствовал ноющее урчание в животе, голод напоминал о себе.

«Ну уж сейчас точно отыщу, да и Одноногий сказал, что на той стороне пир, значит, еды вдоволь, наверное, там просто голуби попроворнее да поработоспособнее, оттого и находят сразу, а тут все мимо еды летают, то ли слепые, то ли просто лентяи и к своему делу безалаберно относятся. Но если по-другому на этот вопрос посмотреть, то значит, что еды полно по углам лежит, а мне только и остаётся, что отыскать её. Так это и хорошо, что они ничего не находят, мне проще будет, и уж когда отыщу, тогда непременно среди прочих выделюсь».

Одна только мысль не давала Алексею покоя. Одноногий говорил, что на той стороне пир горой, и хоть Алешка замечтался сильно, да только в сон не впадал и глаз не закрывал, а бдел ясно и внимательно, как и полагается Бдящему голубю, и если бы какой сигнал и прозвучал, то он непременно бы, от грез опомнившись, на него отреагировал. Да вот только не слышал он курлыканья на той стороне и не видел, чтобы стая взлетала.

«Может быть, не увидел и не услышал оттого, что далеко?» — думал он про себя. — «Да нет вроде бы. Далеко, конечно, но все-таки не настолько далеко, чтобы я не заметил, или же действительно из внимания упустил, но ведь оно не раз и не два, а Одноногий говорил, что все два часа пир был, а значит, сигналы подавать и взлетать часто должны были...»

Алеша так бы и продолжал свои крайне противоречивые умозаключения, если бы не одно «но». Внизу, между кустом чубушника и стеной дома, он заметил подозрительную горку черного цвета. Ускорившись, он стал приближаться и вглядываться в нее.

— Батюшки, — так это же подсолнечные семечки, самые что ни на есть настоящие, да еще так много, не меньше сотни будет, и лежат-то как хорошо, и блестят-то на солнце как сладко! Алешка тут же взмыл в воздух и выкрикнул три громких и протяжных курлыка.

— Ну же, ребята, скорее сюда! Я такое нашел, такое! Тут на всех хватит, уж и поедим же сейчас, да попируем! — закричал он.

Надо сказать, что Алексей уж очень любил семечки подсолнуха за их сладость и жирность. Блюдо это было достаточно редкое, и оттого еще более вкусное и желанное. Сердце у Алешки забилося в два, а может, и в три раза быстрее, чем обычно. Чувства переполняли его настолько, что становилось даже тяжело дышать.

Он смог, он нашел, и не крошку какую-нибудь, не горбушку заветренную, а сразу гору подсолнечных семечек. Ух, и как же сейчас обрадуется стая! Хорошо бы и Вождь меня увидел с такой добычей.

Вождя Алексей, конечно, не увидел, но вот Бдящие уже подлетали, а с противоположной стороны на них, откуда ни возьмись, двигался Одноногий. Он быстро пролетел над Алексеем, кинул беглый взгляд вниз, на гору семян, и ускорился ещё сильнее. Через мгновение он уже оказался возле летящей к Алешке стаи, жестом крыла подал какие-то сигналы, что-то прокричал, и стая, мгновенно развернувшись, отправилась в обратном направлении, все кроме одного голубя, который зачем-то стремглав помчался в сторону противоположной половины района.

Одноногий спланировал к Алешке и, сказав:

— «Крылом к крылу», — приказал спускаться вместе с ним.

Алексей повиновался, хоть и не понимал того, что сейчас происходило. Они приземлились возле заветной добычи.

— Да, молодец! Я как чувствовал, сказал тебе перед началом маршрута, что найдешь сейчас, и действительно нашел. Ну-с, товарищ, хвалю!

— Спасибо, — отвечал Алешка, — а почему остальные-то не летят? Ведь я, как и положено, три громких и ясных сигнала подал и в небе над добычей завис, а они не летят, взмыли только вверх, а потом обратно развернулись.

— Ах, как же это я так, совсем, видимо, забыл сказать тебе вчера. Тут, братец, такое дело получается... Это ведь запас, стратегический!

Не до конца расслышав последние слова Одноногого, Алексей заметил в небе грациозно парящего Вождя, во всей его красе, расправившего крылья и плавно спускающегося вниз. Он был таким величественным, таким незыблемым, таким отличным от всех прочих голубей, что казалось, будто бы это и не голубь летит вовсе, а самый что ни на есть настоящий орел. Следом за ним, слегка отставая и задыхаясь, летел мелкий голубь, которого совсем недавно, развернув от основной стаи, Одноногий куда-то послал.

«Это получается, что Одноногий специально стаю остановил и лично за Вождем послал. Значит, действительно, находка моя крайне ценная и редкая, раз для ее осмотра самого Вождя вызвали... А что там Одноногий про какой-то стратегический запас начал говорить...» — не успел Алеша закончить мысль, как Вождь спланировал с неба и мягко приземлился прямо возле Алешкиной добычи. С важным видом он стал осматривать находку, перебирая крылом семена и что-то приговаривая себе под нос.

— Так вот, значит, — выпрямившись и слегка помпезно, продолжал декларировать Одноногий.

— Семена подсолнуха сушеные являются продуктом стратегического запаса, поскольку имеют крайне долгий срок хранения и насыщенность огромным количеством ценнейших микроэлементов и аминокислот, что в периоды голода, длительных дождей или морозов является незаменимым и единственным средством пропитания. В связи с чем все подобные находки переходят под личную юрисдикцию Вождя, им же учитываются и переносятся на хранение в особое место под названием «склад». Там семена проходят первичную обработку и дальнейшую консервацию для более долгого и качественного хранения. После внесения в особый реестр семена закрываются на замок и выдаются только по особой надобности и исключительно по личному распоряжению Вождя. Таковы правила стаи! — закончил Одноногий.

Вождь в это время, предварительно пересчитав семена, развернулся и медленно начал подходить к опешившему и ничего не понимающему Алексею.

— Товарищ, — громким басом произнес Вождь.

— От всей души поздравляю тебя, — продолжал он, протягивая свое правое крыло. Алексей машинально протянул свое крыло в ответ, и Вождь крепко сжал его в крылопожатие.

— Ты сегодня сделал большое дело для себя и для своих товарищей, для всей стаи; ты можешь гордиться собой, сынок. Сегодня ты уберег всех нас от неизбежного тяжелого дня, что обязательно наступит после, а следовательно, спас каждого собрата от голодной смерти. Сегодня ты — истинный герой и заслуженно получаешь мою официальную похвалу! Да только смотри, на радостях не зазнавайся, а продолжай в том же духе служить на пользу стаи. Ты, кстати, сколько уже на службе находишься?

— Так как же, — удивился Алеша, — только ведь вчера вы меня на проводах в стаю принимали, я клятву давал...

— Ах, как же, как же, помню, конечно, — не подавая и вида неловкости, ответил Вождь.

— Я в тебе сразу толкового голубя разглядел, и видишь, не подвело чутье Вожатское, в первый же день пользу стае принес, а следовательно, и себе! Ну, молодой, служи честно и достойно и помни, что как ты к стае, так и она к тебе.

Этими словами он закончил свою речь, отпустил крыло и стал возвращаться к семенам. Одноногий подлетел к Алешке.

— Эко, брат, какая тебе честь выпала: официальная похвала лично от Вождя, мало кто такой чести удостоивается, а ты, дурень, даже спасибо ему в ответ не сказал. Ну, это тоже моя вина будет, не объяснил этикет базовый.

— Да я просто опешил, — стал оправдываться Алешка.

— Опешил он... Ладно, с этим мы еще разберемся. А сейчас поздравляю тебя, товарищ, герой, истинный герой! — воскликнул Одноногий.

— Так-с, а теперь давай, ступай на маршрут, еще пятнадцать минут до конца смены, порадовался и хватит. Неужто до конца дня теперь на лаврах почивать? Нет уж, извольте, хва-

тит, пора и честь знать, и к трудам возвращаться, а я пока Вождю помогу продукты стратегического назначения по своим местам определить.

Алеша покорно взмыл в небо, попутно разглядывая, как Вождь с Одноногим укладывают семена себе под крылья и куда-то улетают. Ему даже на мгновение показалось, что некоторые из семян оказались у Вождя в клюве, но Алешка объяснил себе это тем, что под крыльями просто места не хватило, оттого и пришлось часть семян нести во рту, а может, и просто показалось.

Он совершенно не понимал: радоваться ему или плакать от происходящего. С одной стороны, сам Вождь официальную похвалу выдал, Одноногий героем назвал, стаю от голодной смерти в будущем спас, но как же сегодня, как же то, что он за три дня всего несколько крох хлеба съел? И уж если он такой герой, то почему ему, этому самому герою, уже изнемогающему от голода, не выдать хотя бы пять семян из найденного сокровища в качестве материальной благодарности? Одними же похвалами сыт не будешь...

Оставшийся день прошел под эгидой внутренних вопросов, душевных терзаний, скрытых сомнений и сильного голода. И чем позднее становилось, тем более голод превозмогал над прочими чувствами. Все последующие дежурства Алексея не увенчались успехом: седьмой, десятый и первый маршруты снова ничего не принесли, при этом и на позиции Бдящего похвастаться было нечем — два раза он вылетал по сигналу вместе со стаей, и два раза доставалось ему по небольшому кусочку пищи. Улов был невелик; видимо, Алексей растратил всю свою сегодняшнюю удачу на первую находку. Подбадривало лишь то, что Одноногий, пару раз пролетая над Бдящими, останавливался и в красках рассказывал о сегодняшней великой находке Алешки, и что сам Вождь ему благодарность и похвалу выражал, и что вот он-то, Алешка, стаю спас от голодной смерти и воистину герой сегодняшнего дня. Слыша эти слова, стая начинала громко курлыкать и махать крыльями, а некоторые даже похлопывали Алешку по плечу в знак уважения.

«Стаю-то я от голодной смерти спас, получается, а себя не смог», — с грустной улыбкой подумал он про себя.

Уважение, признание, выслуга и внимание Вождя — всё это Алексей получил в свой первый же день на службе, но разве помогло хотя бы что-то из этого занять ему место сытое? Нет, совершенно никак не помогло. Находясь в этих голодных раздумьях, Алексей вывел для себя второе главнейшее правило жизни: что пища и полный желудок куда важнее любого рода уважения и признания.

Под конец третьего дня взрослой жизни голод становился настолько сильным, что не позволял думать о чём-либо другом. С заходом солнца обессиленный Алексей вернулся на чердак и занял своё место в углу, высунув клюв наружу.

Он был опустошён как физически, так и ментально: все рассказы отца о достойной службе и сытой жизни в стае разбивались о скалы реальности. Он трудился, не покладая крыльев, летел дальше, глядел шире, делал всё, как говорил отец, но не получал за это заслуженной награды. Надежда покидала Алексея, он терял веру в себя и веру в лучшее светлое будущее. «Пусть будет как будет», — прошептал он и, несмотря на мучающий его голод, в бессилии уснул.

V

Новое утро началось с уже знакомого Алексею подъема. Всю ночь наш герой промучился в полудреме, перекручиваясь с одного бока на другой и пытаясь хоть как-то избавиться от навязчивой идеи поесть. Время от времени силы покидали его, и он глубже проваливался в сон, а потом вновь пробуждался от пугающих звуков урчания в животе. К моменту общего пробуждения он уже практически не спал, быстро поднялся и вылетел из гнезда на утреннее собрание, не обращая внимания на остальных.

Вчерашняя процедура повторилась: голуби заняли свои места, и Вождь, ставший, кажется, за прошедшую ночь еще больше, громким басом продекларировал распорядок сегодняшнего дня. Первый луч солнца ударил в глаза, и все разлетелись по своим позициям.

Алексей выполнял поставленные перед ним задачи на автопилоте. Когда было положено бдеть, он смирно сидел и бдел; когда было положено дежурить, дежурил, не пропуская своим взглядом ни одного угла, но не было уже в нем вчерашнего энтузиазма, рвения, желания и задора. Он просто хотел поесть, и для того, чтобы эта мысль не свела его с ума окончательно, решил полностью отдаться судьбе и продолжать делать вверенное ему дело в надежде на получение заветного вознаграждения.

«Ведь не может же быть, чтобы в стае голуби от голода помирали? Значит, мне просто не везло пока, нужно немного потерпеть, и обязательно всё наладится!» — утешал себя Алёшка.

«Отец вон всю жизнь в стае и не помер, так еще и нас с братьями поднять сумел, получается, что всё не так уж и плохо, и нужно просто стойкость и выдержку проявить».

Дважды побывав на дежурстве и столько же раз проведя в роли Бдящего, Алексей готовился к новому вылету. За первую половину дня раздобыть пищи ни ему, ни его товарищам по стае, увы, не удалось. Он вспорхнул с провода и плавно полетел по назначенному ранее Вождем маршруту. На улице стал моросить небольшой дождик, его холодные капли падали с неба на обессилевшее тело, скапливались между перьев и медленно сползали к промерзшему брюшку, вызывая дрожь в мышцах. Казалось, что они пронзают его насквозь, окутывают и тянут за собой вниз к земле, не давая лететь дальше. С каждым новым взмахом крылья становились всё тяжелее и непослушнее, всё сильнее озноб сковывал их движение, и всё хуже тело откликалось на сигналы, посылаемые мозгом, но Алёшка не останавливался и продолжал свой полёт в поисках пищи. На улице темнело из-за нависших над городом туч. Дождь усиливался и становился реальной угрозой для полёта молодого голубя в небе, но никаких приказов от Одноногого или Вождя, касающихся приостановки дежурства, не поступало. Борясь с порывами ветра и уворачиваясь от крупных капель, Алексей заметил внизу желтоватый блеск на траве. Он спланировал ниже и сквозь дождь разглядел лежащие на земле зёрна. Тут же, снова поднявшись вверх, он подал установленный сигнал. Стая поднялась с провода и, медленно пробираясь сквозь водяную завесу, полетела в его сторону. Алёшка пытался посчитать количество зёрен, лежавших под ним, но сделать это не представлялось возможным: уж слишком сильно погода мешала видимости. Как только стая долетела, они начали вместе спускаться вниз к добыче. Алёшка всматривался, пытаясь разглядеть количество зёрен и понять, сколько же из них достанется ему, но пока видел только желтоватый отблеск. Спустившись ниже, стали выри-

совываться очертания всей кучки, ещё ниже — и он начал видеть каждое из них по отдельности. Приземление, и голуби по кругу выстроились у своего обеда.

«Девять, их всего девять штук!» — наконец разглядел Алёшка. Он поднял голову и начал считать голубей, хотя прекрасно знал, сколько их должно быть. Ровно десять, и он одиннадцатый дежурный, вынужденный, согласно правилам, есть после них. «Ну и кто же выдумал эти идиотские правила!» — лезвием сверкнула мысль в его голове. «Что это за несправедливость, что это за издевка такая над голубем, добывшим еду, над кормильцем стаи?» — гнев проступил в его глазах. «Почему это я должен есть после остальных, ведь в этом нет никакой логики, никакого смысла, а лишь издевательство над тем, кто работал и трудился лучше других... Какое-то глупое приравнивание, или даже принижение по отношению к остальным». А в это время уже четвертый голубь проглотил свое зерно.

«Нет, так быть не должно, так нечестно, я не потерплю!» — и Алешка тихо обратился к толпе:

— Товарищи, позвольте мне всего одно зерно съесть вперед, как добытчику, нашедшему его, и как вашему брату, не евшему уже трое суток. — Все голуби повернули свои головы к обращающемуся и стали злобно на него смотреть.

— Эка ты какой, решил, что твой голод важнее нашего, что ли? Ну ты и негодяй, сейчас как дам по морде, будешь думать в следующий раз, прежде чем заговорить и наперекор законам стаи идти, — ответил Алексею самый крупный из собравшихся.

— Ни в коем случае не считаю важнее, — испугавшись, стал оправдываться Алексей, — и законы стаи я чту превыше всего, но лишь прошу у товарищей разового исключения из установленного правила, как герой, получивший официальную похвалу Вождя.

— Ну ты уж совсем заврался, — воскликнул другой, — похвалу официальную от Вождя, вот чего выдумал, — закурлыкали другие...

— Так как же выдумал? — чуть ли не плача ответил Алешка, — ведь вчера же Одноногий вам на проводах рассказывал, а вы меня хвалили и по плечу стучали.

— Лжец, не было такого, — зашипела стая.

— От очереди не отвлекайтесь, — вернул всё внимание стаи обратно к семенам самый крупный из присутствующих.

— А ты, негодяй, поди прочь, пока не получил, и только посмей еще хотя бы раз подобные бредни произносить. Соблюдай закон стаи, а то Вождь с тобой мигом расправится, геройчик!

Алеша попятился назад, наблюдая, как седьмой и восьмой по очереди голуби проглотили свои зерна. Последнее желтое сокровище оставалось лежать на земле; самый крупный голубь, пугающий Алешку ударом по морде, наклонился и проглотил его, после чего стая взмыла вверх и полетела обратно на позицию Бдящих.

Алексей остался стоять на траве, мокрый и голодный; слезы капали из его глаз.

Дождь прекратился, но тучи не расходились, на улице по-прежнему было темно и холодно.

— Смена! — раздался голос над головой Алешки. — Ну что ты там застрял на земле, никак водой прибило, что ли? — подшутил Одноногий. — А ну, марш на позицию Бдящего, дежурство окончено. — И Алеша покорно исполнил приказ. Он утер слезы, отряхнулся, расправил крылья и взлетел.

Всё в его голове перемешалось: все мысли, все чувства, все ощущения, все надежды и мечты слились в единый черный поток, заполняя собой душу. Но всё это было ничто по сравнению с голодом, который сейчас приходилось ему испытывать. Добыча была так близко, избавление от всех страданий уже лежало возле его ног, но лишь поманило и сразу исчезло, оставляя после себя легкий привкус голодной смерти на губах. Всё разбивалось внутри, всё переставало иметь значение.

«Бежать? Быть может, просто воспарить в небо и умчаться куда подальше отсюда? Так ведь догонят и накажут за то, что пост покинул... Но и здесь оставаться никак нельзя... И что же мне делать? Так и сил нету совсем думать. Мне бы хоть немного поесть, и уж тогда спокойно размышлять, а сейчас каждая мысль голодом выворачивается наизнанку, и черт пойми, что с ней делать».

Мучительный час провел Алексей на проводах, но смог собрать свои мысли и волю в кулак перед последним на сегодня, четвертым дежурством.

«Быть может, мне всё-таки повезет, — говорил он себе, — быть может, судьба всё-таки сжалятся надо мной?»

Но слова эти уже не были словами надежды и веры, а скорее утешением и признанием собственной беспомощности перед жизнью.

Выйдя на дежурство совсем обессиленным, он старался меньше махать крыльями, а всё больше полагаться на попутные потоки ветра, проносящиеся под ним. Нужно сказать, что за эти дни вне родительского гнезда Алёшка совершенно освоился в небе и стал летать лучше многих из голубей, как будто имея к этому особый талант.

На улице ещё было сыро после дождя: с листьев капали остатки влаги, на бетонных дорожках образовались лужи, а земля превратилась в грязь. Вечернее солнце стало чуть пробиваться сквозь медленно отступавшие тучи и ласкать природу своими лучами.

Алёшка парил в небе, ловя на себе касания красной звезды и жадно впитывая её тепло промокшим телом. Он закрывал глаза и устремлялся ей навстречу, пытаясь раствориться в этом нежном объятии жизни, дарующем всему живому надежду.

На мгновение, позабыв о своих несчастьях, он вновь открыл глаза и стал пристально всматриваться в комки мокрой земли, лежавшие под ним. И о чудо! Несколько червей, вылезших из своих затопленных норок, пробирались в этом грязевом месиве на поверхности. Еле двигаясь, задыхаясь, они пытались спастись от лап кровожадной природы, ещё не зная, что

ползут напрямик в лапы другой напасти. Ведь так и бывает в жизни, что напасть для одних превращается в спасение и надежду для других.

Алёшка облизнулся. Он вспомнил мать, кормившую его червями, вспомнил своё изобретение, помогавшее ему превосходить братьев, выхватывая самого крупного из червей себе, вспомнил, как мечтал о взрослой жизни, как верил и надеялся занять место тёплое и сытое.

Инстинктивно начав подниматься вверх для подачи сигнала, он вдруг остановился.

«Стоп! Ведь я сейчас снова подам сигнал, и снова эти бездельники слетятся и всё у меня отберут, а я больше не вытерплю голода, точно в ночи умру. Так, быть может, мне, пока никто не видит, самому с ними расправиться?» — и Алёшка стал осматриваться по сторонам. Никого не было видно: от базовой точки он улетел достаточно далеко, так еще и находился за рощей, прячущей его от посторонних взглядов. Окончательно убедившись в своей безопасности и решившись действовать, Алёшка спустился на землю в нескольких сантиметрах от добычи.

Это были три жирных и длинных червя, аппетитно крутившихся у его ног.

«Ну уж, была не была, этого червя я ни с кем делить не буду, да и что тут делить-то, по какому такому равному куску? Червя его как: взял и проглотил целиком, да и дело с концом», — произнес Алексей, опустил голову, схватил червя и, последовав своим же инструкциям, проглотил его целиком.

— Как же вкусно! — сказал вслух Алёшка. Тело его стало оживать и наполняться теплом, тревожность покинула мысли, а на лице засверкала улыбка. В это мгновение он ни капли не жалел о совершаемом им преступлении и был полностью убежден в правильности своих действий.

Второй червь последовал за первым. Алёшка почувствовал, как живот, уже непривычно, наполняется, а чувство голода отступает. Посмотрев на последнего червя, он опустил голову, чтобы закончить свой обед, схватил его, начал глотать, как внезапно ощутил сильный и очень болезненный удар по затылку, отчего потерял равновесие и кубарем покатился вперед, при этом проглотив последнего червя и закончив прием пищи.

— ПРЕДАТЕЛЬ! ВОР! ПРЕСТУПНИК! — раздались крики сзади.

Алёшка, прокатившийся несколько оборотов по грязи, весь измазанный и валяющийся плашмя, стал приходить в себя от удара. Пытаясь встать, он медленно повернул голову в сторону нападавшего и увидел стоявшего позади Одноногого.

— Стая, Вождь, все сюда, я поймал, я поймал вора! — орал он во всё горло.

— Подлец, мало тебе, а ну получи еще, — и Одноногий ударил крылом по шее пытающегося подняться Алёшку, отчего тот снова упал и на мгновение потерял сознание.

— Лежи, негодяй, сейчас тебя судить будем, — произнес тот, но Алёшка уже не слышал этих слов: в голове у него звенело, глаза, испачканные грязью, почти ничего не видели, а правое крыло начинало безумно болеть в плече.

Через какое-то время, очнувшись, Алешка аккуратно вытер глаза здоровым крылом и, помня о неудавшейся попытке подняться, решил в этот раз остаться лежать. Вокруг него собирались голуби, товарищи по стае. Один за другим они спускались с неба, выстраивались в круг возле него, как будто перед добычей. Слух еще не до конца вернулся после удара, но даже так Алешка мог расслышать в толпе слова злобы и отвращения по отношению к себе. Солистом в этом хоре ненависти выступал Одноногий, который с каждым своим новым озлобленным выкриком лишь пуще заводил толпу.

— Где Вождь? — раздалось среди собравшихся. — Ну, где же он? Почти все уже на месте, а Вождя всё нет? — доносилось до Алешки.

— Стерегите этого подлеца, — воскликнул Одноногий, — а я пока слетаю за Вождем. Видимо, он на складе, занимается вопросами первостепенной важности, раз на наш зов сразу не прилетел, — и Одноногий поднялся в небо и быстро скрылся из виду.

Толпа продолжала негодовать и беситься в ярости. Каждый из присутствующих считал своим обязательным долгом назвать Алексея вором и предателем, а некоторые даже решались на более дерзкие выражения, отчего стая еще пуще начинала ненавидеть преступника и уже хотела самостоятельно вынести ему приговор и привести его в исполнение, как из-за рожи показались Вождь с Одноногим.

Они летели медленно и о чем-то перешептывались. Стоило им только приземлиться, как стая замолкла и стала вопросительно наблюдать за происходящим далее. Одноногий подошел к преступнику и приказал подняться. Только в этот момент страх обуял Алешино сознание. До сей минуты физическая боль превозмогала над страхом, а непонимание происходящего затуманивало разум, но сейчас, во время приказа подняться, пелена спала с глаз, а боль отступила на второй план, и Алексей стал испытывать сильный страх за свою жизнь. Медленно поднимаясь, весь испачканный в грязи, он предстал перед стаей. Одноногий подошел почти вплотную и своим ненавидящим взглядом сверлил его насквозь. В это время Вождь, приземлившись чуть дальше, тяжело перешагивал с ноги на ногу, подходя ближе. Со стороны казалось, что каждый шаг дается ему чрезвычайно сложно оттого, что живот, который поутру уже показался Алешке больше, чем вчера, раздулся еще вдвое. Дыхание было хриплым и крайне затрудненным. Наконец, добравшись до Одноногого с Алешкой, он произнес:

— Значит, вора поймали?

— Так точно! — ответил ему Одноногий. — Вы уж простите меня за то, что вынужден отвлекать от важнейших дел; знаю, что трудитесь в поте лица на складе во благо стаи, но в сложившейся ситуации никак без Вашего участия не обойтись. Так вот, этот подлец, — и Одноногий указал крылом на Алешку, — этот подлец посмел, обнаружив червей, не подать сигнал Бдящим и самостоятельно спуститься к ним, то бишь к червям этим, и, ни на секунду не замешкавшись, употребить их всех в свою поганую пасть. А было их с десятков, никак не меньше — и куда только влезло столько в негодая? Но, благо, я в этот самый момент, по вашему же поручению, пролетал прямо над этим маршрутом и, заметив совершение преступления, тут же, так сказать, по горячим следам, осуществил задержание преступника.

На словах о десяти червях стая вновь взвыла в ненависти с еще большим остервенением.

— Это неправда, — тихо, себе под нос, произнес Алёша.

— Что ты сказал? — переводя дыхание, спросил Вождь. Было заметно, что и произношение слов сегодня дается ему с особым трудом.

— Неправда, не десять их было, а всего три...

— Ах ты лжец! — воскликнул Одноногий и со всей силы ударил Алешку по клюву, отчего тот снова бухнулся в грязь.

Стая, увидев это, заликовала и, кажется, уже хотела броситься добивать свою жертву, но тут вмешался Вождь:

— Три или десять — роли никакой не играет; преступление совершено, и за него будет расплата. Но и ты, Одноногий, палку не перегибай: мы же не варвары какие-то, чтобы его тут в грязи сейчас до смерти забить, хотя и признаюсь честно, преступление страшное совершено. Подними его.

После этих слов стая немного успокоилась, а Одноногий стал поднимать Алешку, поскольку самостоятельно подняться тот уже не мог. Оказавшись на лапах, Алексей открыл глаза. Вождь продолжал:

— А ведь я, сразу тебя увидев, заподозрил что-то неладное: взгляд у тебя какой-то странный, жуликоватый, что ли. И как это ты меня, Одноногий, уговорил его в стаю взять?

— Да что вы, Вождь, я тоже этого подлеца сразу заприметил, оттого и приглядывал на маршруте за ним, и прав оказался, поймав вора с поличным. Я сразу сказал, что из него ничего путного не выйдет, да вот только кто-то из стаи стал за него просить, а мы и послушали собрата, так сказать, проявили мягкость, — и Одноногий, медленно повернув свою голову к остальным, стал, прищуриваясь, вглядываться в толпу. Стая тут же замолчала.

— Ну уж ладно, — отвечал Вождь, — не будем сейчас искать виноватого, тем более что один у нас уже есть. Пусть то останется на совести хлопчущего за него. Я вот проявил снисходительность и прислушался к вам, а вы вон как меня подвели, — уже он повернул свою голову и обращался не к Алёшке, а к стае. — Пусть всем вам это уроком будет, и впредь, прежде чем советы свои говорить, будете помнить, что Вождь умнее и прозорливее всех вас и что в совете не нуждается, а сам знает, как для стаи лучше будет.

Все голуби, от таких слов склонившиеся и чувствующие свою вину, стали тихо соглашаться со словами Вождя и, перешёптываясь, говорить о его нескончаемой мудрости.

— Вы поистине мудрейший из нас, — произнес громко Одноногий после небольшой паузы. — Так что же прикажете делать с преступником? — Стая замерла в ожидании приговора.

— Я сегодня к вам проявил снисхождение, и к этому падшему голубю я так же проявлю снисхождение, чтобы вы знали, насколько Вождь ваш добр и справедлив. Взгляните на этого глупца: он ради минутного удовольствия, ради удовлетворения своего чревоугодия, — в этот момент Вождь поперхнулся, откашлялся и продолжил, — собственнически лишил себя стаи, лишил братьев, лишил крепкого плеча, на которое можно опереться в трудную минуту, и за

что тут же поплатился, оказавшись израненным в луже грязи. Он сам вынес себе приговор одинокой смерти, ибо вне стаи жизни нет! Но мы не освободим его от мучений, что еще предстоит пережить на пути к ней, мы не подарим ему легкую кончину, а, изгнав, дадим судьбе самой свершить над ним приговор.

После этих слов повисла зловещая тишина. Все голуби смотрели на Алексея, но теперь в их глазах, помимо ненависти, читался еще и страх, ибо изгнание из стаи есть жуткое наказание, обрекающее виновного на голодную смерть, как говорил Вождь. И в этот самый момент каждый из присутствующих почувствовал и примерил его на себе.

Алешка еле стоял на лапах. Боль, вернувшаяся после минутного облегчения, еще с большей силой захватила его. Плечо разрывало, голова звенела, все кости ломило. Он находился в полубморочном состоянии, когда Вождь выносил свой вердикт, и оттого не мог еще окончательно осознать произошедшего. На мгновение ему даже показалось, что всё это является лишь дурным сном и что сейчас он проснется в родном гнезде, возле своих братьев, а мать, принеся вдоволь покусать, уляжется рядом и согреет его в своих объятиях. Но увы, это был не сон. Он очнулся от своих грез, услышав над правым ухом выкрики Одноногого:

— Проваливай, подлец, и чтобы больше духу твоего возле нашей территории не было! И будь благодарен милости Вождя, подарившего такому ничтожному голубю, как ты, еще несколько дней жизни.

Толпа закричала:

— Прочь! Прочь! Проваливай, воришка! Так тебе и надо! Ну и сдохни там один, заслужил!

— Тихо, разорались, — фирменным басом прервал кудахтанье Вождь.

— Сколько я с вами, дураками, времени тут потерял, когда у меня важнейшая из всех задач — учет и контроль на складе! И ежели я её из-за вас в срок не сделаю, то уж потом попомните, в холодный зимний вечер, когда жрать будет нечего! А ну-ка, лентяи, марш по своим позициям, да чтобы добыли пищи впрок!

— А ты что замер, преступник? Пошел прочь отсюда, пока я не передумал, — грозно обратился он к Алешке.

Услышав эти слова, перебарывая нескончаемую боль, Алешка начал пытаться взлететь. Правое крыло почти не работало, приходилось махать только левым, но останавливаться было нельзя: сзади еще поджидал озлобленный Одноногий, готовый в случае его неудачного старта свершить приговор судьбы на месте. Ведомый страхом, Алексей все-таки смог подняться в воздух и кое-как, то и дело проваливаясь в полете, преодолевая себя, набрать нужную высоту. Заметив вдали, за проезжей частью, лесной массив, не имеющий уже никакого отношения к территории стаи, обессилевший и теряющий сознание, он устремился вперед, кружась, подпрыгивая в воздухе и почти не контролируя полет.

Теперь, совсем недавно мечтавший вступить в ряды стаи и представлявший свое счастливое будущее, он бежал от неё прочь, что только было мочи, весь израненный и еле живой, навстречу новому, неизвестному и безумно пугающему будущему...

ГЛАВА ВТОРАЯ

I

Алёша очнулся, лёжа под деревом на лесной опушке. Солнце уже клонилось к закату, но ещё пригревало остывшую после вчерашнего дождя землю. Наконец окончательно придя в себя, он заметил протекающий в нескольких метрах левее небольшой ручеёк. Попытавшись подняться, Алёшка почувствовал резкую боль в крыле, голова кружилась, а лапы не слушались. На мгновение замерев и собравшись с духом, усилием воли он разогнул своё тело и начал делать медленные, но уверенные шаги в сторону спасительной влаги. Добравшись до ручья и упав на землю, он опустил клюв и стал жадно глотать капли чистой проточной воды.

Место, в котором оказался Алёшенька, было самым началом леса — небольшой овраг метрах в ста от дороги. Направо уходило поле, заканчивающееся где-то вдалеке неказистыми старыми деревенскими домами, оставшимися вблизи города по нелепой случайности. В центре этого оврага протекал пересыхающий ручей, слегка наполнявшийся во время дождя, бегущий по руслу когда-то находившейся здесь могучей реки, по берегам которой росло несколько деревьев вперемешку с кустарником. За оврагом лес начинал густеть, постепенно переходя в чащу.

«Всё-таки долетел, спасся», — подумал он, поднимая голову и переводя дыхание.

А ведь действительно, то ли по воле случая, то ли по воле судьбы, наш герой, будучи уже полностью обессиленным, практически потерявшим сознание и смирившимся со своей кончиной, смог на каком-то внутреннем непостижимом чувстве или, даже будет вернее сказать, желании, преодолеть бурлящую под ним дорогу и укрыться в безопасном месте.

Он снова склонил голову и продолжил пить. Спустя несколько глотков, заметив, что все его перья вымазаны грязью, которая за прошедшие сутки успела засохнуть и превратиться в корку, он сделал несколько шагов вперёд, погрузился в ручей (благо глубина того составляла не более половины роста) и стал отмываться от прилипших кусков земли. Прохладная вода, помимо очистки его тела, освежала ещё и разум, и залечивала полученные накануне раны. Спустя несколько минут он вышел из ручья чистым, хотя и не без следов вчерашнего насилия, голубем. Отряхнувшись, Алёшка вернулся к дереву, под которым неосознанно обустроил себе вчера «гнездо», и тихо улёгся. Его стало клонить ко сну, веки закрывались, и в полудрёме начал мерещиться ему Вождь, жадно пережёвывающий найденные Алёшкой подсолнечные семечки, и маленький Одноногий, бегающий между лап Вождя с поднятой головой и открытым клювом, пытающийся поймать крохи, падающие сверху.

Алексей проснулся, солнце только показалось из-за горизонта. Чувствовал он себя намного лучше, чем за день до этого: в голове уже не кружилось, ссадины на теле почти затянулись, а крыло болело значительно меньше.

«И как же это так всё со мной выйти могло?» — стал проматывать воспоминания прошедших дней в своей голове Алешка. «Быть может, и вправду я для стайной жизни не создан, и нету его никакого места, тёплого и сытого, а всё это выдумки мои и мечты глупые? И отец, полу-

чается, тоже врал, когда рассказывал про стаю, про единство, про братство, про одно общее большое дело? Какое уж тут братство, когда тебя до смерти свои же забить готовы, и за что? За голод. Нет, никакого тут единства нет и быть не может, одна лишь ширма из бесконечных правил и установок, а на деле один другого тем больше ненавидит, чем пустее в животе. А в животе пусто у всех, ну, кроме Вождя, видимо, хотя тот больше всех ненавидит» — и Алешка плюнул на землю от презрения, что сейчас испытал к бывшему своему руководителю. «Трудишься, работаешь не покладая крыльев, хочешь честно себе пропитание добыть, и находишь, а в итоге что? Отбирают, и ничего не дают, или дают, но ровно столько, чтобы хватило до гнезда долететь, поспать и снова на труды в полуобморочном состоянии вылететь. И какое тут одно большое общее дело? В трудах этих умирать, добывая спасительную пищу, которую вместо того, чтобы по заслугам употребить, требуется зачем-то, для всеобщего какого-то блага, на склад определять. А когда я других спрашивал, пока на проводах сидел, про склад этот самый, мне и сказали, что никто его в глаза никогда не видывал, и получается, что склад этот только для Вождя и Одноногого существует, или не существует вовсе. И все его речи, Вождя этого, только для того и созданы, чтобы путаницу в голове создать и из праведного голубя непойми что сделать. А Одноногий этот сначала тебя хвалит, гордится тобой, в пример другим ставит, а после, как малейший проступок совершишь, первым же тебя и сожрёт, вот тебе и товарищество!» — и Алёша еще пуще плюнул под себя. «Но ведь с другой стороны, отец всегда с трудов с добычей возвращался, и не по одному разу, и так, что не только ему, а нам всем насытиться хватало. И как тогда так получаться может, ежели в стае один голод? Нет, что-то тут не срастается, быть может, это не отец врал, а я в капкан судьбы попал, в какую-то стаю «неправильную», и в её плену и обмане совсем веру в светлое и справедливое потерял? И ежели в одной стае уклад паршивый, то это совершенно не означает, что он такой же и в других быть должен. Вот и получается, что мне сейчас не тосковать о безнадежно утраченных мечтах и надеждах стоит, а радоваться тому, что из этого плена рабского живым выбраться удалось, и теперь-то, с тем опытом, что уже на плечах имею, отыскать себе стаю «правильную», такую, где меня и оценят по достоинству, и место теплое и сытое предоставят».

Мысли эти повели Алешкино сознание дальше, и не хотелось ему уже плевать и вспоминать Вождя с Одноногим и их несправедливое по отношению к себе поведение, а всё глубже представлял он новую хорошую стаю и своё место, что непременно займет там, и мысли эти положительно сказывались на здоровье Алексея, поскольку каждое выздоровление тела все непременно начинается с выздоровления духа.

Так прошло еще несколько часов. Нельзя сказать, что Алексей был сильно голоден, за дни взрослой жизни он уже порядком привык не есть, поэтому три жирных червя, что позавчера вечером успел он проглотить до удара Одноногого, еще питали его тело необходимой энергией. Большая часть ран уже затянулась, в крыло вернулась былая подвижность, и Алешка, разминая залежавшееся тело, готовился взлетать. «Ну уж, спасибо этому месту, что уберегло меня от несчастий и дало время на то, чтобы силы восстановить!» — Алексей в последний раз подошел к ручью, вдоволь напился, взмахнул крыльями и оторвался от земли.

Поначалу лететь было тяжело, но с каждым новым взмахом становилось всё проще, боль отступала, и силы возвращались в его молодое тело.

— Пора заново начинать стаю искать! — произнес он и воспарил над полем.

II

Именно над полем решил продолжить свой маршрут Алешка. Набрав нужную высоту, он огляделся: по одну сторону от него был нескончаемый лес, по другую — поле. Параллельно ему, сколько было видно глазу, проходила автомобильная дорога, отделявшая лесной массив от жилого района. Вдалеке еще виднелись знакомые места, территория бывшей стаи, отчего перелетать в черту города Алешка опасался и совершенно не хотел, а выбрал для себя, сначала, пролететь сколько-то не было значительное расстояние вдоль дороги над полем, а уже после, удалившись на безопасную дистанцию, перелететь к домам и начать поиск новых товарищей. Всё дальше удаляясь от знакомых мест, Алешка рассматривал под собой то ручеек, продолжавшийся от самой его стоянки в овраге, то кусты, время от времени мелькавшие на поле, но более всего глаз его радовали нескончаемые желтые острова одуванчиков, только показавшие свои светлые головы из-под земли после долгой зимней спячки. Но тут поле под ним прервалось стоявшими в две линии домами. Дома же эти не были похожи на те, что Алеша видел до этого: были они в разы меньше, но также со стенами и крышей, сделаны не из бетона, а из дерева, и имели всего по одной двери да по несколько окон. Надо сказать, что домики эти, хоть и были неказистыми, а Алешке понравились больше тех, что он знал до этого, а понравились они оттого, что походили на птичье гнездо, и чувствовались от них уют и тепло. В центре, между домов, тянулся продолговатый, причудливой формы пруд, по берегам которого росли вербы, цветущие во всей своей весенней красе.

Перемахнув через деревню, Алешка обернулся назад: ни знакомого оврага, ни территории бывшей стаи видно уже не было, лишь где-то там, вдалеке, маленькой полосочкой на горизонте стелился лес. «Далеко улетел, самое время в город возвращаться». Приподняв левое крыло и ловя потоки свежего апрельского ветра, Алешка стал плавно поворачивать в сторону дороги и уже через несколько мгновений оказался за ней, на крыше привычного ему семиэтажного дома. Немного переведя дыхание и отдышавшись, он осмотрелся и, проложив дальнейший маршрут, вновь воспарил в небо. Район, в котором теперь надо было испытывать свою судьбу Алексею, очень уж походил на тот, из которого совсем недавно он так яростно бежал: те же дома и скверики между ними, площадки со стоявшими по их периметру машинами, березки и фонарные столбы. А вот и провод, тянущийся от одного дома к другому, такой же, как и на месте сбора его первой стаи, с одним лишь только отличием: на нем не было голубей. Заметив черный трос, на Алешку нахлынули ставшие уже неприятными воспоминания его триумфа и восхваления Одноногим перед другими товарищами, но он быстро опомнился, начал трясти головой, желая поскорее избавиться от этих мыслей, и уже через мгновение они покинули его.

Всё было похоже и даже казалось знакомым, но вот только других голубей нигде не было. Влетая в один двор за другим, Алексей не встречал подобных себе. Раньше, на территории его бывшей стаи, везде он мог наблюдать своих собратьев, а ежели долетал во время дежурства до границы участка, то непременно по другую сторону видел кого-то из членов соседской стаи, а здесь, на такие большие расстояния, ни одной живой души. Алёшке показалось это очень странным, но он продолжал свой полёт в надежде наткнуться на порядочную компанию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.